

Н. Горбунов

«На поле Куликовом»

В цикле «На поле Куликовом» (1908) тема Родины решается с большой глубиной и страстностью. Ярко выраженное напряженное чувство гордости за свою родину сочетается с такою широтой раздумий, что голос поэта словно бы растворяется в голосе самой истории родной страны, у которой такое великое прошлое и огромное будущее, что захватывает дух.

Однообразен простор родной страны, нет здесь ярких и радующих красок, не за что зацепиться взгляду; все так ровно, спокойно, безгранично, что кажется — так было и будет во веки веков:

Река раскинулась. Течет, грустит лениво
И моет берега.
Над скудной глиной желтого обрыва
В степи грустят стога.

Широкая, ровная степь простирается перед нами; кажется, все здесь — и грустно раскинувшаяся река, и скудные пласты глины над желтым обрывом, и стога, одни только и нарушающие ровную линию неизмеримого простора, — так же неизменно и вечно, как века назад. Раздумья о судьбах родной страны плывут широким потоком, где слились воедино и скорбь, и гордость, и предчувствие каких-то великих перемен и радостных событий, ожидающих родину:

О, Русь моя! Жена моя! До боли
Нам ясен долгий путь!
Наш путь — стрелой татарской древней воли
Пронзил нам грудь.

В облике воина Дмитрия Донского, нанесшего решительное поражение татарам, захватившим русскую землю, поэт видит воплощение бессмертного духа и непреклонного мужества русских людей, упорных в труде и грозных в гневе, — если враг осквернил их святыни и покусился на их неотъемлемое достояние.

В огне боевых испытаний русский человек только закаляется. Перегорает все мелкое и ничтожное, и остается только неискоренимая любовь к отчизне, вдохновляющая на любые деяния, равные подвигу. Голоса воинов доносятся до нас сквозь века и наполняются какою-то новою неизбежною мощью, призывают к новым подвигам.

Цикл «На поле Куликовом» — это есть напоминание о подвиге, некогда воплощенном в битве света с тьмой, в вечном одолении темного хаоса ради свободы и счастья своей отчизны:

Пусть ночь. Домчимся. Озарим кострами
Степную даль.
В степном дыму блеснет святое знамя
И ханской сабли сталь...

Идет «вечный бой» за Русь, за милого друга, за светлую жену, за все то, что дорого и свято, и нет отдыха в этой трудной и напряженной борьбе:

И вечный бой! Покой нам только снится
Сквозь кровь и пыль...

В пыли и крови мчатся герои Куликова поля на битву с врагами. И самый закат перед ними, словно бы омытый кровью, прорывается сквозь нагромождение тяжелых и испуганных туч, сквозь суровые облака, отсвечивающие багрянцем и заволакивающие все небо — от края до края.

В тишине неоглядной степи, нарушая ее великий и ровный простор, возникают картины и образы, сошедшие со страниц старинных легенд и преданий и облекшиеся новою плотью и кровью, наполнившиеся новым углубленным смыслом:

На пути — горячий белый камень.
За рекой — поганая орда.
Светлый стяг над нашими полками
Не взиграет больше никогда.

И, к земле склонившись головою,
Говорит мне друг: «Остри свой меч,
Чтоб не даром биться с татарвою,
За святое дело мертвым лечь!..»

Готовность воина былых времен любую цену отстоять свое правое дело, жажда деяния, равного подвигу, обретает в глазах поэта значение того бессмертного примера, которому должно следовать и современное поколение, если ему дороги судьбы родины, будущее ее народа.

Сама тема цикла «На поле Куликовом» была для Блока исторической, современной, перекликающейся с живой злободневностью. Поэт настойчиво подчеркивает непреходящий смысл знаменательных событий русской истории:

За Непрядвой лебеди кричали,
И опять, опять они кричат...

Опять над полем Куликовым
Взошла и расточилась мгла...

Опять с вековой тоскою
Пригнулись к земле ковыли.
Опять за туманной рекою
Ты кличешь меня издали...

Здесь образы истории придают огромную перспективу событиям современности, сплетаются с вековой судьбой страны, переживаемой поэтом как своя судьба:

Я слушаю рокоты сечи
И трубные крики татар,
Я вижу над Русью далече
Широкий и тихий пожар.

Объятый тоскою могучей,
Я рыщу на белом коне...

Так облик самого поэта словно бы сливается с обликом ратника древних времен. Со своими современниками говорит поэт от лица этого воина, готового пожертвовать жизнью ради свободы и славы родной страны. Это придает его словам весомость нерушимого завета, обращенного к потомкам:

Я — не первый воин, не последний,
Долго будет родина больна.
Помяни ж за раннею обедней
Мила друга, светлая жена!

Память о подвиге былых времен, о победе, одержанной в борьбе с поработителями, не уводит поэта в далекое прошлое от современной жизни, а становится настойчивым, неотступным призывом к новому подвигу:

Но узнаю тебя, начало
Высоких и мятежных дней!
Над вражьем станом, как бывало,
И плеск, и трубы лебедей.

В грозах и бурях революции родина открывалась Блоку как самое близкое и дорогое, что есть в жизни, как мать, невеста, жена. И его обращения к ней отныне приобретают характер страстных излияний такой любви, в свете которой меркнет, перегорает все мелкое, ничтожное и остается только то, что неподвластно тлению и угасанию.

«Долго будет родина больна», – говорит поэт в цикле «На поле Куликовом». А если больна мать, родина, как же может быть счастлив ее сын, жить как ни в чем не бывало, в тепле и уюте, спокойно и благополучно? Для поэта это было немыслимо.